

Р. Робинсон (при участии Дж. Слевина). ЧЕРНЫЙ О КРАСНЫХ: 44 ГОДА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. АВТОБИОГРАФИЯ ЧЕРНОГО АМЕРИКАНЦА. СПб.: Symposium, 2012, 463 с.

Широко известны судьбы репрессированных сталинским режимом соотечественников, многие из которых погибли в лагерях или были расстреляны. Меньше знают о репрессированных иностранцах, среди них американцах, приехавших помогать созданию нового социалистического общества. Большинство из оставшихся в СССР на время кризиса в США (несколько сотен), погибло, лишь немногие вернулись на родину, рассказав о пережитом¹.

Однако были и те, кто не сидел в тюрьме или лагере, не отбывал ссылку, приноровился к советскому образу жизни, пользовался уважением товарищей. Такова судьба чернокожего американца Роберта Робинсона. Он приехал в страну Советов по контракту на год вместе с другими рабочими не по коммунистическим убеждениям, как многие, а ради обещанной высокой зарплаты и хороших условий жизни, а задержался на 44 года. Квалифицированный станочник-универсал с завода Форда так и не увлекся коммунистическими идеями, не вступил в компартию, поскольку был глубоко верующим человеком, но стал депутатом Московского Совета, имел награды, хотя постоянно думал о том, как вырваться из “рабочего рая”.

Ценность воспоминаний Робинсона в том, что, находясь внутри советского общества, он, иностранец, разглядел его отличительные черты. Современный читатель вспомнит уже позабытое советское прошлое, а те, кто о нем еще ничего не знает, сможет узнать.

Роберт родился на Ямайке, потом семья переехала на Кубу, где прошли его детство и юность. Отец их бросил, жили бедно. Роберт выучился на инструментальщика и отправился в Соединенные Штаты. Работал на заводе Форда в Детройте, став единственным чернокожим станочником. В 1930 г. советские сотрудники пригласили его как профессионала в СССР, предложив высокую зарплату в 250 долл. (у Форда – 140), бесплатное жилье, месяц оплачиваемого отпуска, машину. Так в

23 года Робинсон с группой рабочих оказался в Советском Союзе. Им показали Ленинград, Москву. Роберт был в восторге, хотя кое-что удивило: пустые полки в магазинах (только хлеб и горчица), бедно и некрасиво одетые люди; женщины, занимавшиеся тяжелым физическим трудом, что объяснили равенством полов в советском обществе.

На Сталинградском тракторном заводе Робинсон сразу включился в работу, но вскоре произошел инцидент, изменивший его жизнь. Уже по дороге в Советский Союз он почувствовал недобрые взгляды соотечественников из своей группы. В Сталинграде был единственным чернокожим среди американцев, вызывая их неприязнь. Однажды двое из них избили его, потребовав убраться в 24 часа. Роберт оказал сопротивление. О случившемся написала местная газета, перед заводом прошел массовый митинг, выступавшие клеймили “язву расизма” и требовали строго наказать виновных. “Дело об избиии рабочего-негра” дошло до центральной прессы, о нем с осуждением сообщали “Труд”, “Правда”, “Известия”. Первая публикация появилась в газете “Труд” под заголовком “Мы не потерим привычек буржуазной Америки в СССР”. В Сталинграде прошел судебный процесс, который должен был показать разницу между американским и советским правосудием. Американцев приговорили к депортации, но одному дали возможность доработать по контракту. Роберт стал героем, ему пожимали руки, засыпали письмами; скромный по характеру человек был потрясен неожиданно свалившейся на него известностью. Из-за кризиса в Америке Робинсон продлил контракт еще на год.

На одном из собраний секретарь парторганизации предложил всем американским специалистам вступить в профсоюз, а самым достойным – в партию и комсомол. У многих, кто с симпатией относился к социализму, это не вызвало возражений, Роберт отказался, ибо “не хотел иметь ничего общего с коммунистической партией”. “Я скорее убую себя, чем откажусь от веры в Бога” (с. 79). В 1932 г. после окончания контракта решил уехать в США, но его попросили поработать на только что открывшемся Первом шарикоподшипниковом заводе в Москве, и он остался. В ту пору там работало более 300 иностранцев, ему дали комнату в двухкомнатной квартире.

Работа была интересной и творческой, после решения одной сложной задачи он повысил производительность труда в семь раз, что всех

¹ *Sgovio Th.* Dear America. Why I Turned Against Communism. New York, 1979; *Herman V.* Coming Out of the Ice. New York, 1979; *Sevander M., Hertzell L.* They Took My Father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1992; *Tobien K.* Dancing Under the Red Star. The Extraordinary Story of Margaret Werner, the Only American Woman to Survive Stalin's Gulag. New York, 2006.

удивило, ведь Робинсон окончил только техническое училище при заводе Форда. Появились ученики, но работать приходилось по две смены, не получая за сверхурочные (только путевку в Крым). И всё-таки Робинсон был доволен, так как вырос его профессиональный уровень. За успехи на производстве в 1933 г. ему разрешили на шесть недель поехать в Америку и повидать мать. Она просила остаться, однако в стране было много безработных, а из-за случая в Сталинграде его занесли в “черный список”, на завод Форда его было уже не приняли. К тому же Робинсон подумывал поступить в Советском Союзе в институт, мечтал стать инженером-механиком. Черные расспрашивали его об СССР, некоторые хотели тоже поехать, но Роберт признался, что уровень жизни там значительно ниже, чем в США.

Постепенно Робинсон осознал свое положение в советской стране – власти сделали из него витрину советского образа жизни. Это стало очевидным после избрания в 1934 г. в Моссовет без его согласия. Робинсон был в шоке: “Что они со мной сделали? Куда я влип? Я американский гражданин, не политик, не коммунист, не одобряю ни коммунистическую партию, ни советский строй. Я не атеист и даже не агностик, верю в Бога, молюсь Ему и предан одному Ему” (с. 100) Хотел все бросить и уехать, но вспомнил о матери, которой каждый месяц высылал по 150 долл., и решил остаться до конца срока действия контракта.

После избрания депутатом Роберта пригласил к себе председатель Моссовета Н. А. Булганин, очаровав добрым обхождением. Поблагодарил за “самоотверженный труд” и предложил переехать в квартиру в центре, бесплатную дачу и автомобиль. Однако новоспеченный депутат отказался от этих предметов роскоши, сказав, что доволен своими условиями. Он понимал, что “когда-нибудь по этим счетам придется платить”.

Если в СССР Робинсон стал героем, то в Америке – “лгуном, марксистом в душе, предателем родины”. В прессе появились статьи с обвинениями в его адрес, припомнили случай в Сталинграде; журнал “Тайм” назвал его “угольным-черным протезом Иосифа Сталина”. Госдепартамент требовал от него немедленного выезда в Америку, где он как “красный” не получил бы работы. Оказавшись между двух огней, Роберт вынужден был временно принять советское гражданство, сохранив статус американца и возможность вернуться в Америку (власти СССР уверили, что это допустимо).

Так американец Роберт Робинсон оказался советским гражданином, пожертвовав льготами иностранного специалиста. Время для такого решения было крайне неблагоприят-

ное – на заводе начали исчезать инженеры и рабочие, их называли врагами народа. Роберт с ужасом осознал, “в какой ад я угодил”. Отныне у него началась другая жизнь.

Робинсон рассказывает о периоде репрессий. За 1934–1936 гг. из цеха исчезли более 20 человек. Та же судьба постигла иностранцев. За семь лет все черные, принявшие советское гражданство, которых он знал в начале 30-х годов, исчезли из Москвы; одних расстреляли, другие попали в лагеря. К середине июля 1941 г. число иностранцев на заводе сократилось с 362 человек в 1932 г. до 2 (Робинсон и еще один венгр). Каждую ночь он ждал ареста. Однажды в 1943 г. в половине первого ночи к нему постучали люди из НКВД, но, увидев чернокожего, извинились и ушли – перепутали. Однажды допрашивали в НКВД, интересуясь, как он оказался в СССР, потребовали документы – контракты, их так и не отдали, чтобы, как он думает, навсегда оставить в России. Но он был твердо уверен: “Сколько бы я ни прожил в Советском Союзе, я знал, что домом его я не назову никогда” (с. 132). Просил Бога дать ему силы “выжить в столь безнравственном мире”.

Скрывать свои чувства и взгляды более 40 лет, стараться “выжить во враждебной культуре, в политической системе, где на иностранцев смотрят с недоверием” (с. 113–114) – пытка, вполне сравнимая с заключением в тюрьму, а может быть, и страшнее, ведь она длилась 44 года. Робинсон даже не мог позволить себе жениться, опасаясь очередной ловушки, ибо наблюдали и за его личной жизнью. Любовные увлечения обычно заканчивались разрывом отношений, возможно под давлением спецслужб. К тому же он понимал, что семья стала бы обузой при попытке вырваться из СССР.

Робинсон подмечает характерные черты советской системы – в ней не ценится и не поощряется материально квалифицированный труд. За выполненную им сложную работу (сконструировал первый в стране индикатор), потребовавшую 105 дополнительных дней, его наградили путевкой в дом отдыха на 12 дней и премией в 400 рублей. За изобретения получал только дипломы и две медали (“За доблестный труд в Великой Отечественной войне” и “За трудовое отличие”), но его статус не менялся, хотя товарищи по институту стали главными инженерами и директорами заводов. Он был “образцовым инструментальщиком, конструктором, инженером”, его награждали, но не выпускали из страны.

Автор критикует советские мифы, прежде всего об интернационализме, обнаружив расизм в СССР. Он “более жесток и опасен, чем тот, с которым я сталкивался в годы юности и

Соединенных Штатах. Мне редко доводилось встретить русского, считавшего черных – а также азиатов или любых людей с небелой кожей – ровней себе” (с. 7). На них, приехавших на завод во время войны, смотрели как на глупых и ленивых, осыпали насмешками и оскорблениями. “Даже до отмены расовой сегрегации в школах (в 1954 году), до принятия законов о равных правах по инициативе Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения, до Мартина Лютера Кинга черные в Америке знали вкус свободы. Я уверен, что лучше далеко не полная свобода в Америке, чем ее реальное отсутствие в Советском Союзе” (с. 15).

Советская пресса стимулировала русский национализм, считает Робинсон, писала о “великих достижениях русского народа. До небес превозносили великую Россию и великий русский народ, давший человечеству почти всё самое ценное – от булавок до аэроплана” (с. 255). “После войны официальная политика состояла в восхвалении русского народа – лучшего в мире” (с. 326). Распространился антисемитизм. “К концу пятидесятых годов усилиями советского руководства в сознании русских людей укоренился кичливый национализм, который я, чернокожий и не русский, едва мог выносить” (с. 329). После запуска в 1957 г. спутника одна из работниц завода на митинге сказала: “С сегодняшнего дня мы уже больше не догоняем Америку. Мы ее перегнали” (с. 312). Снова стала звучать подзабытая песня “Я другой такой страны не знаю”. Запуск спутника Соединенными Штатами советских людей огорчил.

Американцев россияне представляли лживыми, вероломными интриганами, хотя знали мало об их жизни и истории. В разгар антиамериканизма в Одессе поставили антирасистскую пьесу “Глубокие корни” об отношениях между белыми и черными на Юге. Режиссер спросил Робинсона, возможно ли, чтобы белая хозяйка советовалась с черной служанкой, как с равной. Очень удивился и не поверил, получив утвердительный ответ. Сам Робинсон снимался в фильме “Миклухо-Маклай”, режиссер объяснял ему, как ведёт себя чернокожие.

Но книгу нельзя назвать пасквилем на СССР. Автор спокоен и объективен, он пишет и о положительных сторонах советской жизни. “В тридцатые годы в США я бы никогда не стал инженером-механиком из-за цвета кожи. Никогда бы не завоевал уважения коллег. Не получил бы работу, удовлетворяющую моим творческим потребностям. Никто не признал бы моих профессиональных достижений. В Москве я получил возможность всего этого добиться” (с. 8). Он тепло вспоминает о мно-

гих советских людях, с которыми у него сложились добрые отношения и которые не раз помогали ему.

Главная цель Робинсона после войны – во что бы то ни стало уехать из СССР. 27 раз он получал отказ на просьбу о поездке в Америку. Не помогло даже известие о болезни, а потом и смерти матери. Только после письма Булганину в 1957 г. ему разрешили подать документы в ОВИР, но до 1973 г. в визе отказывали.

Робинсона часто приглашали на встречи со знаменитыми людьми, в первую очередь чернокожими. Он познакомился с известным афроамериканским поэтом и писателем Ленгстоном Хьюзом, Полем Робсоном, просил его помочь в выезде из СССР. Но тот отказал, опасаясь неприятностей с советскими властями, зато выступил на его шарикоподшипниковом заводе, где спел грустную еврейскую песню, не зная об антисемитизме в СССР.

Робинсон вспоминает о судьбах репрессированных иностранцев, идеалистах, приехавших в СССР строить новое общество, таких, как богатый врач из Калифорнии Розенблиц, привезший в дар советским людям дорогое стоматологическое оборудование и обучавший студентов. Он был арестован и погиб вместе с женой на Крайнем Севере. Такова же история шестерых американцев русского происхождения, купивших на свои деньги электрические плиты и установившие их в заводской столовой.

В 1966 г. Роберту исполнилось 60 лет, он мог выйти на пенсию, но не пошел. Признался, что даже думал по-русски и вел себя как русский, хотя порой сознательно. “Но я старался не чувствовать по-русски, чтобы не перестать ощущать себя личностью, не утратить связь со своими корнями и надежду на свободу” (с. 400). Каждый день молился, чтобы не уподобиться своим чернокожим друзьям, которые примирились с советской системой и работали на нее. Один из них, Роберт Росс, с 1928 г. не был в Америке, но разъезжал по стране с лекциями, рассказывая об угнетении черных.

Робинсон постоянно искал людей, которые могли бы ему помочь: познакомился с представителями африканских посольств, иностранными студентами, учившимися в СССР. Однажды пытался передать письмо президенту Гвинеи (правильно – Ганы) К. Нкруме через австралийского журналиста, но безуспешно, письмо пропало из его квартиры. Наконец, удача ему улыбнулась – в 1973 г. его пригласил в свою страну посол Уганды в отпуск на 45 дней. Зная об обысках в квартире, спрятал загранпаспорт за обои. В феврале 1974 г. советский чернокожий гражданин Роберт Робинсон, преодолев множество преград и получив одоб-

рение коммунистов всего завода, с помощью сотрудников посольства Уганды сел в самолет, направлявшийся в Африку. Правда, почти без денег – ему разрешено было взять 175 долл. – все его трудовые накопления вторая родина оставила себе. Но об этом Робинсон не жалел. Сначала жил бесплатно в гостинице как личный гость президента, а потом стал преподавать в техническом колледже, в 1986 г. восстановил американское гражданство.

После возвращения в Соединенные Штаты заметил: “Сейчас дни наполнены радостным

ощущением свободы” (с. 9). Можно согласиться с оценкой Робинсоном своей книги – она дает “редкую возможность увидеть изнутри страну, где хорошие и честные люди живут и умирают несчастными, где власть лишает их свободы, видя в ней угрозу собственному существованию” (с. 462).

И.М. Супоницкая,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН